

Передача с обзором текущих событий, которую сейчас смотрел Годжо Сатору, была записана семь часов назад. Изначально её планировали пустить в эфир глубокой ночью, но из-за непредвиденного происшествия в студии руководство пошло на беспрецедентный шаг и перенесло трансляцию на самый прайм-тайм.

Семь часов назад

Ведущий, строго следуя сценарию, по очереди спросил у Накахары Яёи о его происхождении, настоящем имени и возрасте. Получив в ответ три лаконичных «конфиденциально», он выдавил фальшивую улыбку и умоляюще посмотрел на режиссера за стеклом.

Тот сделал знак продолжать.

Ведущий заглянул в свои карточки-подсказки:

— А кто ваш любимый персонаж?

Яёи ответил без колебаний:

— Лан.

— Лан... Это тот серебролюбивый беловолосый юноша? — Ведущий снова сверился с карточками. — Хотя он и твердит без умолку, что выгода превыше всего, в глубине души он невероятно мягкий и заботливый, верно?

В этом вопросе не крылось подвоха, поэтому Яёи просто кивнул:

— Да.

Собеседник уточнил ещё несколько деталей, на этот раз без ошибок. Яёи отвечал спокойно и точно, опираясь на отзывы и прохождения игроков, которые успел заучить перед эфиром.

Затем ведущий вскользь, едва заметно взглянул на Яёи:

— Говорят, Лан пользуется бешеной популярностью у старшего поколения. Моя младшая сестра тоже без ума от этой игры, но её любимчик — Тори.

Первое утверждение было ложным. Ведущий намеренно приписал Лану черты совершенно другого персонажа.

Яёи бросил мимолетный взгляд в сторону режиссерского пульта. Он прекрасно понимал: заминка даже на секунду — и при монтаже эту неловкую паузу раздуют до масштабов сенсации.

Поэтому на его лице не отразилось ни тени удивления. Ровным, бесстрастным тоном он указал на ошибку:

— Вы путаете. Эта черта принадлежит Сиону, а не Лану.

Юноша не оставил ни единой лазейки. Ведущий ощутил, как по спине пробежал холодок, и крепче сжал бумажные карточки.

Пытаясь перехватить инициативу и задать нужный темп, он заговорил быстрее:

— А вы сами смотрели прохождения других стримеров?

— Нет.

— Большинство игроков никак не могут отыскать вторую пасхалку под названием «Исчезнувший голубь». Как вам это удалось?

— Вторая пасхалка называется «Исчезнувшая курица». Вы снова ошиблись.

Ведущий один за другим сыпал вопросами-ловушками, искажая факты, однако Яёи с поразительной легкостью парировал каждый выпад, уводя удар в сторону.

В итоге ведущий сам сбился с мысли и занервничал.

Этот молчаливый и, казалось бы, неторопливый подросток оказался на редкость крепким орешком. Он хладнокровно обходил любые капканы, не оставляя телевизионщикам ни малейшего шанса зацепиться за оговорку.

Ведущий вновь бросил беспомощный взгляд на режиссера.

В это время по ту сторону объектива за режиссерским пультом стоял Цукияма Хаято. Он следил за трансляцией на мониторах и волновался куда сильнее самого Яёи, то и дело нервно похрустывая костяшками пальцев.

Помощница режиссера наконец заметила неладное. Сверяясь со сценарием, она нахмурилась:

— Секунду. Ведущий задает не те вопросы, это расходится с утвержденным планом.

Режиссер, пряча неловкость, поспешил оправдать коллегу:

— Ерунда, просто оговорился. Вырежем на монтаже, делов-то.

Впереди их ждала срочная сборка выпуска, и, не желая тратить драгоценное время на споры,

помощница лишь вздохнула:

— Ладно, бог с ним.

То, что Яёи так и не подставился, глубоко разочаровало режиссера. Конечно, сама тема с загадочным победителем была горячей и гарантировала просмотры, но ничто не могло сравниться с рейтингами, которые приносит громкий скандал в прямом эфире.

Сидевший рядом монтажер, напротив, облегченно перевел дух — ему не придется отдуваться за чужие грязные интриги и крутить сомнительную нарезку.

Режиссер подал ведущему знак закругляться, показав жестом, что пора сворачивать провокации и возвращаться к обычному сценарию.

Тот мгновенно всё понял.

Натянув дежурную профессиональную улыбку, он дружелюбно спросил:

— Расскажите о каком-нибудь забавном случае из игры, который запомнился вам сильнее всего?

Этот вопрос заставил Яёи на мгновение задуматься.

Судя по отзывам в сети, сюжет игры отличался колоссальной нелинейностью — у каждого пользователя история развивалась по своему уникальному сценарию.

Если он просто слово в слово перескажет чужое прохождение, обман раскроется в два счета.

В студии воцарилась тишина. Десятки глаз устремились на Яёи, и даже сквозь темные стекла очков он кожей ощущал это напряженное внимание.

В отличие от виртуальных персонажей, люди вокруг были настоящими.

Эта мысль сковала его. Мысли поползли медленно и со скрипом, мешая на ходу сочинить складную небылицу.

Затягивать паузу дальше было нельзя — это вызовет подозрения.

Немного помешкав, Яёи заговорил:

— Мое первое свидание с Ланом... из-за вмешательства другого персонажа едва не превратилось в настоящий хоррор.

— О, неужели кто-то приревновал? — оживился ведущий.

Яёи начал неохотно делиться деталями, мысленно отсекая лишнее. Он в общих чертах описал случай, когда они с Гето Сугуру сбежали из колледжа в кинотеатр, а следом увязался странно вырядившийся Годжо Сатору. Разумеется, настоящие имена он заменил на имена игровых персонажей.

— А что произошло дальше?

Что было дальше? Дальше Яёи выследил притаившегося в лесу Сатору и сорвал с него маску.

Перед глазами Яёи на мгновение промелькнули кадры того дня: душный ливень, стена воды и мокрое лицо Сатору. В груди шевельнулось странное, неловкое чувство, опутавшее сердце липкой паутиной.

Он решил опустить подробности и коротко отрезал:

— На этом всё.

Ведущий разочарованно постучал карточкой по ладони, но тут же перешел к следующему вопросу:

— Вы получили полный пакет акций «Чики». Как планируете распорядиться этим колоссальным состоянием?

— Без комментариев.

Поняв, что большего из гостя не вытянуть, режиссер взмахнул рукой:

— Снято! На сегодня всё.

Этот телепроект представлял собой аналитическое шоу, где десятиминутное интервью дополнялось комментариями социологов и экспертов. Данный выпуск строился по той же схеме.

Мнения аналитиков записали ещё вчера, так что теперь оставалось лишь наскоро смонтировать отснятый материал.

Потерпев фиаско в попытке раздуть сенсацию, режиссер мгновенно растерял весь свой пыл. Он сухо кивнул Яёи, даже не пытаясь скрыть досаду.

Яёи не придавал этому значения. Подойдя к пульту, он заглянул в экран монитора:

— Когда передача выйдет в эфир?

Перенос программы в ночную сетку вещания был для режиссера больной темой, задевающей его профессиональное самолюбие. Он недовольно поморщился и нехотя буркнул:

— В полночь. С двенадцати тридцати до часу ночи.

Яёи достал мобильный телефон и принялся что-то быстро печатать. Тихо пощелкивали клавиши.

Вскользь взглянув на режиссера, он негромко произнес:

— Я слышал, о чём вы говорили с монтажером и ведущим перед началом записи.

Режиссер застыл как вкопанный, а затем резко обернулся, уставившись на Яёи округлившимися глазами. Сколько бы он ни распинался о том, что провокационный монтаж — это искусство, реальность была куда прозаичнее: утекла эта информация на сетевые форумы, его со свистом вышвырнули бы с телевидения.

Боясь привлечь лишнее внимание и одновременно сгорая от злости, он прошипел сквозь зубы:

— Ничего подобного я не говорил! Это грязная клевета! И не смей мне угрожать!

— Клевета? Я ведь ещё даже не озвучил суть разговора. К чему тогда эта спешка с оправданиями? — Яёи даже не поднял головы, спокойно листая список контактов в телефоне.

Из-за маски и темных очков лица юноши не было видно, но от его ледяного, уверенного тона по коже пробежал мороз. Режиссера охватила паника.

Он невольно подался вперед, пытаясь рассмотреть экран чужого мобильного:

— Что ты задумал?

Вместо ответа Яёи хладнокровно нажал кнопку вызова.

Услышав гудки, режиссер побледнел и попытался вырвать аппарат из рук подростка:

— А ну прекрати! Здесь запрещено пользоваться мобильными! Немедленно брось трубку...

Однако его пальцы так и не коснулись телефона — руку стальным захватом перехватил Цукияма Хаято.

— Я ведь могу и кости переломать, — негромко предупредил Хаято. — Силы мне не занимать,

уверяю.

Он явно не шутил. Запястье режиссера будто зажали в тиски, суставы отозвались такой резкой болью, что у него потемнело в глазах, а лицо исказила гримаса страдания.

В ту же секунду, когда Яёи нажал кнопку вызова, в конференц-зале совета директоров телеканала TBS раздалась громкая, отчетливая мелодия звонка.

Звонили президенту Такаёси. В зале мгновенно воцарилась гробовая тишина.

Раздраженно вздохнув, Такаёси водрузил на нос очки для чтения, намереваясь выяснить, у какого наглеца хватило ума тревожить его посреди важного совещания.

Но стоило ему увидеть на экране имя «Накахара», как взгляд его намертво приковался к дисплею.

Этот номер ни разу не набирали с тех самых пор, как сохранили в телефонную книгу. И всё же он неизменно переносился из памяти одного смартфона в другой при каждой покупке нового аппарата, снабженный особым, приоритетным сигналом вызова.

Ему было уже семь лет.

Летом того далекого года Такаёси получил приглашение на день рождения от одного популярного молодого актера, чья карьера стремительно шла в гору.

Будучи выходцем из влиятельной купеческой династии, Такаёси прекрасно знал, кто скрывается за маской восходящей звезды экрана.

Этот эффектный блондин с многотысячной армией поклонников по всему миру на самом деле был высокопоставленным членом Портовой мафии из Йокогамы — её легендарным Пропагандистом.

Стремясь легализовать теневые доходы синдиката, Мори Огай активно налаживал связи с медиамагнатами. И Такаёси, владевший TBS — одной из пяти крупнейших частных телесетей страны, — идеально подходил на роль ключевого партнера.

На той вечеринке Пропагандист представил Такаёси двух подростков из мафии.

Старшему, невысокому пареньку лет пятнадцати с растрепанными рыжими волосами, шедшими до плеч, и в авиаторских очках, пророчили блестящее будущее.

Младшему же едва исполнилось восемь или девять. Его огненно-красная шевелюра напоминала языки пламени. Мальчик дичился людей, постоянно прячась за спинами старших товарищей, так что Такаёси тогда толком и не разглядел его лица.

Пропагандист шепнул ему на ухо, что эти двое — братья Накахара, и в будущем они займут ключевые посты в Портовой мафии.

Не зная о существовании эсперов, президент Такаёси лишь искренне поражался тому, как столь юные создания могут нести груз такой ответственности, но номер на всякий случай сохранил со всей возможной бережностью.

Теперь, побелев как полотно, он поспешно замахал руками на подчиненных, требуя освободить помещение. Ничего не понимающие директора один за другим покинули конференц-зал.

Едва за последним закрылась дверь, Такаёси запер её на замок, судорожно откашлялся и нажал на зеленую кнопку.

— Здравствуйте. Это Такаёси, — как можно вежливее произнес он.

В трубке раздался тихий, лишенный эмоций голос:

— Президент Такаёси, это Накахара Яёи. Будьте добры, поднимитесь на восьмой этаж, в девятнадцатую студию.

Несмотря на вежливую формулировку, в тоне сквозил холодный, не терпящий возражений приказ.

— Да, конечно, сейчас буду... — послушно отозвался Такаёси и лишь через секунду осознал скрытый смысл сказанного. — Вы у нас? В здании телеканала?

— Да.

Раздался короткий щелчок — вызов завершился.

У президента перехватило дыхание, а внутри всё похолодело от дурных предчувствий.

Что мафии понадобилось в стенах телецентра?

Не теряя ни секунды, он вылетел из конференц-зала и бросился к лифтам, молясь, чтобы успеть вовремя.

Когда президент распахнул дверь девятнадцатой студии, его глазам предстала живописная картина: Хаято всё ещё мертвой хваткой держал перепуганного режиссера, а Яёи безучастно сидел на складном стуле, дожидаясь его появления.

Появление первого лица компании повергло персонал в шок. По залу прокатился нестройный хор робких приветствий, и даже багровый от боли режиссер выдал из себя жалкое: «Добрый день, господин президент...»

Такаёси проигнорировал своих сотрудников и напрямик направился к Яёи. Забыв о приличиях, он низко, почтительно поклонился хрупкой фигуре в черных очках и маске.

Яёи неторопливо снял маску и очки, открывая лицо:

— Вы помните меня?

Полумрак студии выгодно подчеркивал его бледность, а тени, залегшие у глаз, придавали его облику едва уловимую, пугающую мрачность.

Хотя семь лет назад Такаёси не успел как следует рассмотреть мальчика, огненный цвет его волос не оставлял сомнений.

— Помню... Летний вечер, семь лет назад. Я имел честь познакомиться с вами и вашим старшим братом.

Президент предупредительно склонил голову:

— Чем я могу вам помочь? Любое ваше пожелание будет исполнено сию минуту.

— Не могли бы вы перенести показ этого шоу на более популярное время? — Яёи указал на логотип программы на одном из кофров с оборудованием. — Я принял участие в сегодняшней записи и хочу, чтобы это интервью увидело как можно больше зрителей.

Президент, уже успевший мысленно перебрать все кошмары — от сокрытия политических убийств до медийного прикрытия теракта в порту Иокогамы, — облегченно перевел дух. Просьба оказалась до смешного невинной.

Он прижал ладонь к груди, заверяя:

— Разумеется! Всё сделаем в лучшем виде, даже не сомневайтесь.

— Тогда оставляю это на вас. Всего доброго, — Яёи поднялся и кивнул Хаято. — Идём.

У самого выхода юноша на секунду замер. Режиссер и президент синхронно вздрогнули, напрягшись всем телом.

— Чуть не забыл, — Яёи обернулся и посмотрел в упор на режиссера. — Проследите, чтобы монтаж обошелся без дешевых трюков и искажений. Не стоит портить репутацию канала ради копеечных рейтингов.

Такаёси сразу понял, откуда ветер дует, и поспешил заверить:

— Разумеется! Я лично всё проконтролирую!

Провожая его взглядом, Такаёси и притихший режиссер ощутили, как по загривку пробежал холодок от взгляда этих бездонных изумрудных глаз. К счастью, парень больше ничего не добавил и бесшумно скрылся в коридоре.

Стоило шагам гостя затихнуть вдали, как президент напустился на режиссера, требуя немедленных объяснений, под какой именно поезд тот умудрился подложить всю компанию.

Тот юлил и всячески уходил от ответа, но у монтажера, давно точившего зуб на деспотичного начальника, лопнуло терпение. Запинаясь от волнения, он выдал руководству всю подноготную их недавнего заговора.

Такаёси пришел в ярость. Смешав режиссера с грязью, он лично связался с программной дирекцией и велел немедленно переключить сетку вещания, освободив под интервью прайм-тайм с семи до девяти вечера.

Даже решив вопрос с эфиром, президент не успокоился. Весь остаток дня он провел в душной монтажной, лично следя за каждым склеенным кадром, чтобы комар носа не подточил.

Лишь когда стрелка часов перевалила за полвосьмого вечера и передача благополучно завершилась, он наконец смог облегченно вздохнуть.

Такаёси с размаху опустил трость на спину сжавшегося режиссера:

— Кретин! Ты хоть понимаешь, по какому краю мы сейчас прошли?!

Смеркалось. Президент уже достал мобильный, собираясь вызвать личного шофера, как вдруг двери студии с грохотом распахнулись.

— Вот вы где! Я вас уже минут десять ищу! — Запыхавшийся секретарь ввалился в комнату, тяжело опираясь на косяк. Было видно, что он бежал сломя голову.

— Отдышись сначала, — поморщился Такаёси. — Что за паника?

— Как тут не паниковать?! Прибыл Годжо Сатору!

Президент опешил, решив, что ослышался:

— Годжо Сатору?

— Да, он самый! — Секретарь от волнения едва выговаривал слова. — Глава клана Годжо! Наш крупнейший инвестор! Они же финансируют половину наших дорам...

После полуденной встречи с мафией нервы президента были на пределе. Новость едва не лишила его чувств. Хватаясь за сердце, он дрожащими пальцами полез в карман за флаконом с успокоительным.

<http://bllate.org/book/19457/2004645>